

Я спустился по лестнице в подземную камеру.

Я понятия не имел, какую реакцию я получу от него, когда потревожу его между допросами, но я должен был пойти к нему.

Он находился там уже три часа.

Я должен был остановить его.

Я знал, что он делает все это, потому что он был расстроен. Он был расстроен и опустошен, и я думаю, что он винил себя за то, что не смог защитить Хуан Фэй сам.

Чтобы скрыть все эти эмоции, он спустился в камеру, но его люди не знают об этом, его слуги не знают, даже самые близкие люди боятся.

Как только лестница закончилась, я подошел к железной двери, она была открыта.

В помещении было тусклое освещение, но это было само собой разумеющимся. Это было не то место, которым часто пользовались.

Я сделал глубокий вдох, чтобы подготовиться, а затем вошел в дверь. Там был небольшой коридор, который вел к деревянной двери.

Эта сцена вызвала у меня чувство ложной надежды.

Как будто она была построена для того, чтобы заманить кого-то в ловушку, и даже если этому человеку удастся выбить деревянную дверь, то чувство облегчения и счастья, которое он испытает, тут же исчезнет, когда он столкнется с толстой железной дверью.

Это было похоже на маленькую жестокую шутку.

Я положил руку на деревянную дверь и открыл ее. Свет хлынул наружу вместе со странным запахом.

Я вошел внутрь и увидел потрясающую картину.

Комната была размером примерно с хозяйскую спальню. Стены были толстыми, без окон для вентиляции, возможно, именно поэтому здесь стоял странный тревожный запах.

В основном комната была пуста, на стене висело несколько наручников, к одному из которых был привязан захваченный убийца.

Он был в довольно плохом состоянии, все его существо было истощено, а пальцы кровоточили. При ближайшем рассмотрении оказалось, что у него больше не осталось ногтей.

На груди у него был вырезан кусок кожи, а в центре живота, на обоих бедрах и на лбу виднелось клеймо.

Ариус сидел на стуле перед ним, стол с оборудованием находился рядом с ним.

Ли тихо стоял в углу. Он никогда не говорил много, если только не было необходимости, но на его лице не было и следа беспокойства, даже после того, как он стоял здесь и видел все эти пытки.

Когда я подошел к нему, Ариус заговорил, не сводя глаз с убийцы.

"Я не думал, что ты когда-нибудь придешь сюда". Он сидел со скрещенными руками, положив одну ногу на другую. Пара белых перчаток, испачканных кровью, все еще была на его руках.

"Ты закончил?" Я не подходил близко. У меня не было намерения видеть страдающего человека. Я знаю, что он враг, убивший дорогого товарища, но все же я не мог подойти ближе.

"Я не могу сказать, что закончил здесь". Он прищелкнул языком, не сводя глаз с мужчины: "Он мало что ответил, в конце концов, их учат не отвечать, но я получил тот единственный ответ, который приведет ко всем остальным".

"Это значит, что тебе конец!"

Он покачал головой: "Но я не закончил с ним".

"Ариус. Пойдем со мной. Это важно."

"..."

"Ты можешь оставить его здесь, делать все, что хочешь, позже, но сейчас мне нужно, чтобы ты пошел со мной". Это было очень важно. Все его люди и все люди в доме не спали из-за него.

Все они устали, но страх перед ним был сильнее.

Все уважали его, но все они должны были знать, что он не чудовище.

Наконец он оглянулся на меня, и я умоляюще посмотрела на него. Он вздохнул и встал: "Позаботься о беспорядке, Ли. Я вернусь позже".

"Да."

Затем он последовал за мной к выходу.

Я не повел его в комнату отдыха или на встречу с кем-либо, я даже не заговорил с ним.

Он не спросил, что я делаю. Может быть, он был слишком устал, чтобы спрашивать, а может быть, ему просто не хотелось.

Только когда мы дошли до его комнаты, он задал вопрос.

"Зачем ты привел меня сюда?" Он был измотан.

Я села на его кровать и похлопала по месту рядом с собой: "Садись".

"У меня нет времени на это..."

"Садись." Я оборвала его слова: "У тебя есть на это время". Я была более строга в своих словах. Я должен был заставить его сделать это. Если не я, то кто?

Хуан Фэй здесь больше не было...

Он неохотно подошел и сел рядом со мной, и как только он это сделал, я раскрыла руки и обняла его.

"Азалия, что ты...??"

"Тише!" Я гладила его по голове нежно и непрерывно: "Все хорошо". Я почувствовала, как он напрягся, "Все хорошо". Я повторила утешительные слова, и он попытался вырваться из моих объятий, но я не позволила ему.

"Азалия, не делай этого". Он знал, что я задумала, "Пожалуйста". Он умолял.

"Все будет хорошо". Я не собиралась качаться.

"Пожалуйста." Он снова умолял меня, "Я не могу этого сделать". Его голос был слабее, чем раньше.

"Ты можешь. Ты тоже человек". Я продолжала гладить его волосы: "Ты хорошо справился, так что теперь все в порядке".

Он слегка покачал головой: "Не я. Не на моем месте".

"Шшшш." Я прижала его крепче, "Ты ведь будешь меня слушаться, правда?"

"..."

"Здесь только я, больше никого, кроме нас. Ты доверяешь мне, не так ли?"

"..." После паузы он слабо кивнул, и я улыбнулась.

Мне было приятно, что он доверяет мне настолько, что слушает меня: "Только на этот раз". сказала я ему.

Он снова покачал головой, но я почувствовала, что на этот раз его решимость лопнула.

Интересно, сколько времени прошло с того момента, когда он в последний раз делал себя уязвимым?

"Все в порядке". Я повторила утешение: "Только один раз. Выпусти все наружу. Ты можешь поплакать". В тот самый момент, когда я произнесла эти слова, я почувствовала, как он схватил мою рубашку со спины.

Я чувствовала, как дрожит его тело, как дрожит его голос, когда он сказал: "Ты можешь спеть для меня?". Он был в конечной точке.

"Да." Я не прекращала успокаивать его своими руками, пока начинала петь.

Я пела ему колыбельную.

Из приглушенных криков, которые он отчаянно пытался подавить, они превратились в крики агонии, и я постаралась, чтобы мой голос был достаточно громким, чтобы перекрыть их все.

Чтобы никто не слушал, как он плачет, как он хотел.

За все время, что я его знал, это был его самый гуманный момент.

Он всю жизнь считал, что не может проявлять слабость, что она не предназначена для таких, как он.

Что он должен носить фальшивую маску везде, куда бы он ни пошел.

Но он тоже человек, и, как у каждого человека, у него есть переломный момент.

Я чувствовала его боль, когда он плакал в моих объятиях. Я чувствовала его слабость, когда он так отчаянно цеплялся за меня.

Я чувствовала, как он ломается.

Я чувствовала его дрожь и беспомощность, через которую он проходил.

В конце концов, смерть была тем, с чем никто не мог бороться.

Это был окончательный конец.

Я просто обняла его, чтобы поддержать.

Я больше ничего ему не говорила. Я просто оставалась там, пела так громко, как только могла, радуясь, что он дал выход своим эмоциям.

Я не знаю, как долго он хранил все внутри себя.

Я не знаю, какую боль он принимает с улыбкой на лице.

Я не знаю, будет ли он когда-нибудь снова так плакать.

Но я знала, что он очень сильно разрывается внутри, потому что он плакал до тех пор, пока его собственный разум не заставил его уснуть.

<http://tl.rulate.ru/book/55740/2129975>